

ДВЕ ВСТРЕЧИ

С ШУКШИНЫМ

МНЕ КАЗАЛОСЬ, что я его тотчас же узнаю. Прежде всего, конечно, внешне. Но и внутренне тоже. Наверное, он такой же неторопливый, угловатый, даже нескладный, как и герой его многочисленных, очень своеобразных рассказов, которые ни с чьими другими не спутаешь: рассказов, круто замешанных на жизни простых незаметных людей из алтайской деревни, на их вроде бы обычных и в то же время запинающихся судьбах; рассказов, внесших новую струю в нашу литературу.

Накануне позвонили из «Литературной газеты», сказали, что в Волгограде должен быть Шукшин, просили его разыскать и срочно — в два дня — подготовить интервью о задуманном разинском фильме. Звонок неопределенный. А если его нет в Волгограде? Вдруг он оставился не в гостинице, а у родных или знакомых?

В центре города всего две гостиницы. И еще две подальше. Почему-то я начал с дальних. Нет, Шукшин не останавливался. Не было его и в «Интуристе». Уже без всякой надежды позвонил в «Волгоград». Шукшин? Есть такой. Вчера приехал. Живет на четвертом этаже, в таком-то номере.

И вот я жду в вестибюле четвертого этажа гостиницы. Дежурная говорит: уходит на весь день, когда придет, не известно. Одиннадцатый час вечера, время позднее, но надо ждать. В конце концов договорюсь о встрече на завтра. Правда, это не лучший выход, времени у меня в обрез, но что делать...

О чем же я его буду спрашивать? По-хорошему, надо бы подготовить вопросы. Но придумал только два вопроса: почему он, автор рассказов и фильмов на современную тему, обратился вдруг к истории, к Степану Разину, и второй вопрос: как он относится к романам Чапыгина, Злобина о Разине и к документальному фильму «Степан Разин»? А что дальше? Э, да ладно, разговоримся, видно будет.

По длинному коридору снуют постояльцы — с чайниками, полотенцами, бритвами. По лестнице поднимаются приподжавшие — из кино, театров, ресторанов, прогулок, с деловых и неделовых свиданий. Внимательно вглядываюсь в лица, поворачиваю голову на каждый шаг. Ничего похожего.

Мало же я все-таки о нем знаю. То есть знаю много, а видал не все, ничего почти не видел. А надо бы. Фигура не совсем обычная. Актер, режиссер, писатель, сценарист. И самое удивительное: все удачно, плодотвор-

И. ГУММЕР,
писатель

но. Чаще всего человек хорошо делает одно дело, а если берется за два, то второе заметно слабее. А тут на одном уровне. Начал недавно, лет шесть-восемь назад, и уже четыре книги, три или четыре поставленных фильма, пять или шесть воплощенных сценариев, с десятком заметных актерских ролей. Когда успеет? Лауреат премии РСФСР, заслуженный деятель искусств, награжден орденом Трудового Красного Знамени.

...Конечно же, я его не узнал. Может быть, потому, что ввалилось сразу много людей, а, возможно, смутила борода... Я представился:

— Корреспондент «Литературной газеты». Хочу побеседовать с вами по заданию редакции. Правда, время позднее...

— Бог с вами, какое же позднее. Мы раньше двухтрех не ложимся. Пойдемте в номер. Вы давно из Москвы?

— Я здешний.

— А я хотел расспросить о Москве. Мы уже давно из дома, ищем места для натуральных съемок...

Густая, чуть рыжеватая борода и усы с едва заметной проседью, спокойные глаза, немного выпирающие скулы, узковатые плечи... Темно-серый костюм, толстый свитер и тяжелые походные ботинки. На столе, подоконнике, кровати лежали исследование о «Слове о полку Игореве», томик из сочинений Данилевского, однотомник Чингиза Айтматова, книга о рисунках Пушкина...

— Кофе?

Он налил в граненый стакан воды, насыпал четыре ложечки кофе, опустил в стакан кипятильник. Пока мы разговаривали, несколько раз досыпал стакан, так что в конце концов получилась густая смесь.

— Значит, Разин?

Он пил кофе, говорил, а я записывал, временами спрашивая. Ломать голову над вопросами не пришлось, как я и думал, они сами вытекали из разговора.

...Три с лишним месяца путешествий по северу и югу страны, поиски мест съемок, трудности ожидаемые и непредвиденные, такне, скажем, как карантин в Астрахани, приостановивший работы и задержавший съемочную группу... Вологда, Псков, Кострома... Кирилло-Белозерский, Ипатьевский, ФерAPONTOB монастыри, Астрахань, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, большие и

малые донские хутора, села, станицы...

Почему, кстати, север? Что здесь общего с Разиным?

Оказывается, с севером не только связаны персонажи фильма, в частности, патриарх Нилон и царь Алексей Михайлович. Без севера не понять Разина и его эпоху — не понять и не передать. Север нужен, чтобы напечатать истинной русской речью, которая, конечно же, отличается от семнадцатого века, но хоть как-то сохранилась в тех местах. Ну, а Дон и Волга — это места непосредственных событий.

— В Степане Разине меня ведет та же тема, которая началась давно, — российское крестьянство и его судьбы. На одном из исторических изломов был Разин... Как только захочешь всерьез понять процессы, происшедшие в русском крестьянстве, так сразу понимаешь, что смотреть на них надо откуда, издалека. И тогда возникает глубинная, неразрешимая, кровная связь — Степан Разин и российское крестьянство. Потому что, на мой убежденный взгляд, движение Разина — не «понизивая вольница», это крестьянский бунт, крестьянским соком питающийся, крестьянскими головами и крестьянской кровью оплаченный.

...За окном глухая ночь — третий час. Спит го-

стиница, спит город... А здесь звон сабель, гул голов, плещет вода под веслами, переключаются часовые — настолько ярко, образно говорит и рассказывает Шукшин. Кстати, как он относится к книгам о Разине, написанным в разное время А. Чапыгиным и С. Злобиным? И фильм был до войны с Абрикосовым в главной роли?

— Не видел, — сокрушается Шукшин. — Тогда не видел до войны, — уточняет. — Потом, конечно, смотрел, без этого нельзя... Но детское восприятие оставило бы глубокий след. Что подаете — двадцать девятый год рождения, алтайская деревня... Между прочим, фильм с Абрикосовым не первый. В 1908 году была снята «Понизовая вольница». Обратите внимание: первый в России художественный фильм — и о Разине. Надо думать, не случайно, не просто стечение обстоятельств... Да, так по поводу ранее написанного и снятого... Высоко ценю прежние произведения о Разине, особенно роман Чапыгина, хорошо их знаю и не сразу отважился на собственный сценарий и роман — да, и роман, — он будет печататься в журнале «Сибирские огни». Успокаивает и утверждает меня в моем праве вот что: пока народ помнит и любит Разина,

художники снова и снова будут к нему обращаться, и каждый по-своему будет решать эту необъятную тему.

...На следующий вечер с готовым материалом был я в гостинице. На этот раз повезло: группа вернулась раньше. Шукшин говорил по телефону:

— Ты меня слышишь, дочка, слышишь? Это я, папа. Скоро приеду, привезу игрушки. Дай трубку маме...

На столе лежало несколько ярких пластмассовых игрушек: утенок, кошечка, еще какие-то.

— У вас семья, Василий Макарович?

— Две дочки, — ответил с гордостью.

— Сколько же им?

— Погодки. Одной годик, другой два.

— Как же вы так надолго уезжаете? — вырвалось у меня.

Он развел руками: дескать, что поделаешь!

— Ну, скоро будете дома.

— Постараемся. Надо еще в Казани побывать и в Ульяновске.

— Может быть, не стоит, Макарыч, все сразу? — проговорил оператор.

— Нет, нет, непременно все закончить.

...Интервью напечатано в «Литературной газете» появился подвал — «Степан Разин: легенда и действительность»...

Год прошел в стране под знаком Шукшина: «Правда» дала на три колонки беседу с ним о «Калине красной», «Вопросы литературы» провели дискуссии о фильме, «Советский экран» опубликовал высказывания крупнейших артистов и режиссеров, «Литературная газета» опубликовала полосу... Одним словом, мир искусства говорил о Шукшине и его «Калине красной». А он в это время писал и печатал рассказы, опубликовал сценарий, написал пьесу «Энергичные люди», снимался у Бондарчука в фильме «Они сражались за Родину».

И вот в июне 1974 года я поехал в хутор Мелологовский, что неподалеку от станицы Клетской, чтобы написать репортаж о съемках фильма «Они сражались за Родину».

Каким бы гениальным ни был актер, как бы ни умел он вжиться в образ, но, на мой взгляд, что-то остается актерское, которое позволяет отличить исполнителя от героя. Может быть, это «что-то» не видно потом зрителю, и он, зритель, не будет

сомневаться.

В Шукшине не было ничего, ни капельки артистического. Я увидел бывалого бойца, каких немало знавал за семь лет армейской службы. Гимнастерка старого образца с отложным воротником сидела на нем, как влитая, без единой морщинки, сдвинутая набок пилотка держалась на честном слове, с непередаваемым солдатским шиком, офицерский ремень со звездой был туго затянут — палец не просунешь, тонкие яловые сапоги в меру собраны в гармошку, а на груди — медаль «За отвагу» на муаровой ленточке. Все испытанный, через все прошедший боец, крепкий, неунывающий Лопухин, может быть, даже больше Лопухин, чем в романе Шолохова.

Помощник режиссера объявил перерыв. Усталые артисты пошли на теплоход «Дунай», пришвартованный в ста метрах от места съемки. Я подошел к Шукшину:

— Добрый день, Василий Макарович. Поговорить бы надо, для газеты.

— Как-нибудь вечером, ладно? Вы же не уезжаете?

...Оставался еще один вечер, а я все не решался потревожить Шукшина: чувствовал, как много и напряженно он работает в часы отдыха. Выйдет после съемок ненадолго на палубу — в свитере и кожаной куртке, наброшенной на плечи, может быть, той самой, что в «Калине красной», в солдатских галифе и сапогах, сделает круг-другой и уходит к себе. Ни в шахматы со всеми, когда двое, чаще всего помощник режиссера Владимир Досталь и Вячеслав Тихонов, которого здесь по старой памяти звали Князь, играют, а десять вокруг не столько смотрят и болеют, сколько слушают веселый треп Никулина; ни поспорить о режиссуре, как Бондарчук и Губенко, ни просто поболтать, как Петр Меркурьев...

И все-таки вечером я постучал в каюту. Шукшин, Бурков и Губенко натерлись мазью от комаров.

— Будем говорить, Василий Макарович?

— А очень надо?

— Очень.

Я спросил о «Степане Разине». Дошли слухи, что с фильмом какая-то задержка — в чем дело?

— «Степан» пойдет. Теперь пойдет. Написал пьесу в верха. Может, и не стал бы писать, но разолился. Сдал книгу в «Советский

писатель», все хорошо — и вдруг стоп! Узнали, что фильм не идет и издавать испугались. А я ведь крепко поработал, многое углубил. Верхушка донская получилась очень сложной — она и царя любит и Степана, надо выбирать... Теперь пойдет — и фильм, и книга. В октябре начну подготовительный период, иду Степана, такого, как я. Не богатыря. Скорее всего сам буду играть...

Он помолчал, потом добавил:

— А вообще, пора определяться — сорок пять... Сделаю «Степана», окончательно перейду на писательство...

А что привело его сюда? — Как сказать?.. Я ни разу не играл материал большого писательского пера. Обычно фильмы, в которых был занят, писались сценаристами или драматургами. Что же касается литературы, обращенной в кино, то кроме своего опыта и собственного примера, другого не испытывал. А охота узнать, как это бывает с другими произведениями. Тем более, пройти работу от начала до конца и увидеть на экране результаты такого большого труда. Мне просто интересно, страсть интересно: как сыграю Лопухина, что из этого получится, лучше будет или хуже, чем по своей литературе?.. Ну, а как обойти в своем творчестве такую тему, как русский человек на войне. Она волнует и будет волновать — долго, постоянно, до конца наших дней... Немаловажное значение имеет для меня и то, что авторы романа и фильма — Михаил Шолохов и Сергей Бондарчук — участники войны, пережили события того времени. Это дает возможность правдиво изобразить события... Вот и причина... Все вместе взятое, да еще некоторая пауза в кинематографе. А сочетать актерскую работу и писательство я могу, хотя это и трудно.

Взял с собой много набросков, заготовок, в голове мысли, планы, работаю и отдыхаю. А отдых нужен: впереди фильм о Степане Разине, много напряжения, труда.

...Кто знал тогда, что в октябре его не станет? Что ни минуты не давал себе передышки и то, что называл отдыхом, было напряженным трудом. Потом уже, после смерти, Иван Лапиков рассказывал, что за пять месяцев напряженных съемок, когда все падали с ног, Шук-

шин умудрился написать около десяти рассказов, пьесу. Не случайно после повторного вскрытия в Москве врачи сказали, что он чудом прожил два последних года.

...Я вставал рано утром, почти на рассвете, пока в салоне была свободна машинка, и, стараясь мягче стучать, чтобы не разбудить спящих за тонкой стеной, печатал интервью. За завтраком показывал отпечатанное Шукшину, Он прочитал, сказал:

— Давай уберем насчет литературы, обращенной в кино, и собственного опыта. Неудобно. Еще подумают, что сравниваю себя с Шолоховым.

— Ну, а как насчет того, что актерский труд для тебя отдых? Не обидятся актеры? Он задумался.

— Пожалуй, ты прав. Не уезжаешь? На съемках будешь? Я возьму и подумаю.

Весь день шпарил противный мелкий дождь. Шукшин в солдатской телогрейке грелся у костра, пил горячий кофе из термоса, ловко ломал сухие ветки, подкладывал в костер и время от времени писал на листке. Потом протянул его мне:

— Посмотри, сойдет?

На кусочке фирменной бумаги студии «Мосфильм» поперек граф «артист», «роль» и так далее он четко написал:

«Профессия (имеется в виду, что привело в фильм). Интерес, тоже, впрочем, профессиональный, к большой постановочной картине, к процессу производства ее: мне впереди предстоит нечто подобное, есть смысл пройти этот путь сперва в качестве актера. Кроме того, накопилось много литературных заделов; актерский труд, сколь он ни сложен, все же позволяет совместить его с писательством. Это все очень важно, если не считать, что самое важное — постараться хорошо сделать свое дело: роль Лопухина необычайно сложная и интересная. И еще одно соображение: Дон, степь — места, которые мне в ближайшем будущем предстоит освоить: все же я надеюсь, что буду снимать фильм о Разине, и прожить лето на Дону — это хорошо и нужно».

И подпись размашисто: В. Шукшин.

Я бережно храню этот автограф Шукшина и две фотографии в роли Лопухина и одну — в перерыве между съемками, под тентом.

...Я вставал рано утром, почти на рассвете, пока в салоне была свободна машинка, и, стараясь мягче стучать, чтобы не разбудить спящих за тонкой стеной, печатал интервью. За завтраком показывал отпечатанное Шукшину, Он прочитал, сказал:

— Давай уберем насчет литературы, обращенной в кино, и собственного опыта. Неудобно. Еще подумают, что сравниваю себя с Шолоховым.

— Ну, а как насчет того, что актерский труд для тебя отдых? Не обидятся актеры? Он задумался.

— Пожалуй, ты прав. Не уезжаешь? На съемках будешь? Я возьму и подумаю.

Весь день шпарил противный мелкий дождь. Шукшин в солдатской телогрейке грелся у костра, пил горячий кофе из термоса, ловко ломал сухие ветки, подкладывал в костер и время от времени писал на листке. Потом протянул его мне:

— Посмотри, сойдет?

На кусочке фирменной бумаги студии «Мосфильм» поперек граф «артист», «роль» и так далее он четко написал:

«Профессия (имеется в виду, что привело в фильм). Интерес, тоже, впрочем, профессиональный, к большой постановочной картине, к процессу производства ее: мне впереди предстоит нечто подобное, есть смысл пройти этот путь сперва в качестве актера. Кроме того, накопилось много литературных заделов; актерский труд, сколь он ни сложен, все же позволяет совместить его с писательством. Это все очень важно, если не считать, что самое важное — постараться хорошо сделать свое дело: роль Лопухина необычайно сложная и интересная. И еще одно соображение: Дон, степь — места, которые мне в ближайшем будущем предстоит освоить: все же я надеюсь, что буду снимать фильм о Разине, и прожить лето на Дону — это хорошо и нужно».

И подпись размашисто: В. Шукшин.

Я бережно храню этот автограф Шукшина и две фотографии в роли Лопухина и одну — в перерыве между съемками, под тентом.

...Я вставал рано утром, почти на рассвете, пока в салоне была свободна машинка, и, стараясь мягче стучать, чтобы не разбудить спящих за тонкой стеной, печатал интервью. За завтраком показывал отпечатанное Шукшину, Он прочитал, сказал:

— Давай уберем насчет литературы, обращенной в кино, и собственного опыта. Неудобно. Еще подумают, что сравниваю себя с Шолоховым.

— Ну, а как насчет того, что актерский труд для тебя отдых? Не обидятся актеры? Он задумался.

— Пожалуй, ты прав. Не уезжаешь? На съемках будешь? Я возьму и подумаю.

Весь день шпарил противный мелкий дождь. Шукшин в солдатской телогрейке грелся у костра, пил горячий кофе из термоса, ловко ломал сухие ветки, подкладывал в костер и время от времени писал на листке. Потом протянул его мне:

— Посмотри, сойдет?

На кусочке фирменной бумаги студии «Мосфильм» поперек граф «артист», «роль» и так далее он четко написал:

«Профессия (имеется в виду, что привело в фильм). Интерес, тоже, впрочем, профессиональный, к большой постановочной картине, к процессу производства ее: мне впереди предстоит нечто подобное, есть смысл пройти этот путь сперва в качестве актера. Кроме того, накопилось много литературных заделов; актерский труд, сколь он ни сложен, все же позволяет совместить его с писательством. Это все очень важно, если не считать, что самое важное — постараться хорошо сделать свое дело: роль Лопухина необычайно сложная и интересная. И еще одно соображение: Дон, степь — места, которые мне в ближайшем будущем предстоит освоить: все же я надеюсь, что буду снимать фильм о Разине, и прожить лето на Дону — это хорошо и нужно».

И подпись размашисто: В. Шукшин.

Я бережно храню этот автограф Шукшина и две фотографии в роли Лопухина и одну — в перерыве между съемками, под тентом.

...Я вставал рано утром, почти на рассвете, пока в салоне была свободна машинка, и, стараясь мягче стучать, чтобы не разбудить спящих за тонкой стеной, печатал интервью. За завтраком показывал отпечатанное Шукшину, Он прочитал, сказал:

— Давай уберем насчет литературы, обращенной в кино, и собственного опыта. Неудобно. Еще подумают, что сравниваю себя с Шолоховым.

— Ну, а как насчет того, что актерский труд для тебя отдых? Не обидятся актеры? Он задумался.

— Пожалуй, ты прав. Не уезжаешь? На съемках будешь? Я возьму и подумаю.

Весь день шпарил противный мелкий дождь. Шукшин в солдатской телогрейке грелся у костра, пил горячий кофе из термоса, ловко ломал сухие ветки, подкладывал в костер и время от времени писал на листке. Потом протянул его мне:

— Посмотри, сойдет?

На кусочке фирменной бумаги студии «Мосфильм» поперек граф «артист», «роль» и так далее он четко написал:

«Профессия (имеется в виду, что привело в фильм). Интерес, тоже, впрочем, профессиональный, к большой постановочной картине, к процессу производства ее: мне впереди предстоит нечто подобное, есть смысл пройти этот путь сперва в качестве актера. Кроме того, накопилось много литературных заделов; актерский труд, сколь он ни сложен, все же позволяет совместить его с писательством. Это все очень важно, если не считать, что самое важное — постараться хорошо сделать свое дело: роль Лопухина необычайно сложная и интересная. И еще одно соображение: Дон, степь — места, которые мне в ближайшем будущем предстоит освоить: все же я надеюсь, что буду снимать фильм о Разине, и прожить лето на Дону — это хорошо и нужно».

И подпись размашисто: В. Шукшин.

Я бережно храню этот автограф Шукшина и две фотографии в роли Лопухина и одну — в перерыве между съемками, под тентом.

...Я вставал рано утром, почти на рассвете, пока в салоне была свободна машинка, и, стараясь мягче стучать, чтобы не разбудить спящих за тонкой стеной, печатал интервью. За завтраком показывал отпечатанное Шукшину, Он прочитал, сказал:

— Давай уберем насчет литературы, обращенной в кино, и собственного опыта. Неудобно. Еще подумают, что сравниваю себя с Шолоховым.

— Ну, а как насчет того, что актерский труд для тебя отдых? Не обидятся актеры? Он задумался.

— Пожалуй, ты прав. Не уезжаешь? На съемках будешь? Я возьму и подумаю.

Весь день шпарил противный мелкий дождь. Шукшин в солдатской телогрейке грелся у костра, пил горячий кофе из термоса, ловко ломал сухие ветки, подкладывал в костер и время от времени писал на листке. Потом протянул его мне:

— Посмотри, сойдет?

На кусочке фирменной бумаги студии «Мосфильм» поперек граф «артист», «роль» и так далее он четко написал:

«Профессия (имеется в виду, что привело в фильм). Интерес, тоже, впрочем, профессиональный, к большой постановочной картине, к процессу производства ее: мне впереди предстоит нечто подобное, есть смысл пройти этот путь сперва в качестве актера. Кроме того, накопилось много литературных заделов; актерский труд, сколь он ни сложен, все же позволяет совместить его с писательством. Это все очень важно, если не считать, что самое важное — постараться хорошо сделать свое дело: роль Лопухина необычайно сложная и интересная. И еще одно соображение: Дон, степь — места, которые мне в ближайшем будущем предстоит освоить: все же я надеюсь, что буду снимать фильм о Разине, и прожить лето на Дону — это хорошо и нужно».

И подпись размашисто: В. Шукшин.

Я бережно храню этот автограф Шукшина и две фотографии в роли Лопухина и одну — в перерыве между съемками, под тентом.

...Я вставал рано утром, почти на рассвете, пока в салоне была свободна машинка, и, стараясь мягче стучать, чтобы не разбудить спящих за тонкой стеной, печатал интервью. За завтраком показывал отпечатанное Шукшину, Он прочитал, сказал:

— Давай уберем насчет литературы, обращенной в кино, и собственного опыта. Неудобно. Еще подумают, что сравниваю себя с Шолоховым.

— Ну, а как насчет того, что актерский труд для тебя отдых? Не обидятся актеры? Он задумался.

— Пожалуй, ты прав. Не уезжаешь? На съемках будешь? Я возьму и подумаю.

Весь день шпарил противный мелкий дождь. Шукшин в солдатской телогрейке грелся у костра, пил горячий кофе из термоса, ловко ломал сухие ветки, подкладывал в костер и время от времени писал на листке. Потом протянул его мне:

— Посмотри, сойдет?

На кусочке фирменной бумаги студии «Мосфильм» поперек граф «артист», «роль» и так далее он четко написал:

«Профессия (имеется в виду, что привело в фильм). Интерес, тоже, впрочем, профессиональный, к большой постановочной картине, к процессу производства ее: мне впереди предстоит нечто подобное, есть смысл пройти этот путь сперва в качестве актера. Кроме того, накопилось много литературных заделов; актерский труд, сколь он ни сложен, все же позволяет совместить его с писательством. Это все очень важно, если не считать, что самое важное — постараться хорошо сделать свое дело: роль Лопухина необычайно сложная и интересная. И еще одно соображение: Дон, степь — места, которые мне в ближайшем будущем предстоит освоить: все же я надеюсь, что буду снимать фильм о Разине, и прожить лето на Дону — это хорошо и нужно».

И подпись размашисто: В. Шукшин.

Я бережно храню этот автограф Шукшина и две фотографии в роли Лопухина и одну — в перерыве между съемками, под тентом.

...Я вставал рано утром, почти на рассвете, пока в салоне была свободна машинка, и, стараясь мягче стучать, чтобы не разбудить спящих за тонкой стеной, печатал интервью. За завтраком показывал отпечатанное Шукшину, Он прочитал, сказал:

— Давай уберем насчет литературы, обращенной в кино, и собственного опыта. Неудобно. Еще подумают, что сравниваю себя с Шолоховым.

— Ну, а как насчет того, что актерский труд для тебя отдых? Не обидятся актеры? Он задумался.

— Пожалуй, ты прав. Не уезжаешь? На съемках будешь? Я возьму и подумаю.

Весь день шпарил противный мелкий дождь. Шукшин в солдатской телогрейке грелся у костра, пил горячий кофе из термоса, ловко ломал сухие ветки, подкладывал в костер и время от времени писал на листке. Потом протянул его мне:

— Посмотри, сойдет?

На кусочке фирменной бумаги студии «Мосфильм» поперек граф «артист», «роль» и так далее он четко написал:

«Профессия (имеется в виду, что привело в фильм). Интерес, тоже, впрочем, профессиональный, к большой постановочной картине, к процессу производства ее: мне впереди предстоит нечто подобное, есть смысл пройти этот путь сперва в качестве актера. Кроме того, накопилось много литературных заделов; актерский труд, сколь он ни сложен, все же позволяет совместить его с писательством. Это все очень важно, если не считать, что самое важное — постараться хорошо сделать свое дело: роль Лопухина необычайно сложная и интересная. И еще одно соображение: Дон, степь — места, которые мне в ближайшем будущем предстоит освоить: все же я надеюсь, что буду снимать фильм о Разине, и прожить лето на Дону — это хорошо и нужно».

И подпись размашисто: В. Шукшин.

Я бережно храню этот автограф Шукшина и две фотографии в роли Лопухина и одну — в перерыве между съемками, под тентом.

...Я вставал рано утром, почти на рассвете, пока в салоне была свободна машинка, и, стараясь мягче стучать, чтобы не разбудить спящих за тонкой стеной, печатал интервью. За завтраком показывал отпечатанное Шукшину, Он прочитал, сказал:

— Давай уберем насчет литературы, обращенной в кино, и собственного опыта. Неудобно. Еще подумают, что сравниваю себя с Шолоховым.

— Ну, а как насчет того, что актерский труд для тебя отдых? Не обидятся актеры? Он задумался.

— Пожалуй, ты прав. Не уезжаешь? На съемках будешь? Я возьму и подумаю.

Весь день шпарил противный мелкий дождь. Шукшин в солдатской телогрейке грелся у костра, пил горячий кофе из термоса, ловко ломал сухие ветки, подкладывал в костер и время от времени писал на листке. Потом протянул его мне:

— Посмотри, сойдет?

На кусочке фирменной бумаги студии «Мосфильм» поперек граф «артист», «роль» и так далее он четко написал:

«Профессия (имеется в виду, что привело в фильм). Интерес, тоже, впрочем, профессиональный, к большой постановочной картине, к процессу производства ее: мне впереди предстоит нечто подобное, есть смысл пройти этот путь сперва в качестве актера. Кроме того, накопилось много литературных заделов; актерский труд, сколь он ни сложен, все же позволяет совместить его с писательством. Это все очень важно, если не считать, что самое важное — постараться хорошо сделать свое дело: роль Лопухина необычайно сложная и интересная. И еще одно соображение: Дон, степь — места, которые мне в ближайшем будущем предстоит освоить: все же я надеюсь, что буду снимать фильм о Разине, и прожить лето на Дону — это хорошо и нужно».

И подпись размашисто: В. Шукшин.

Я бережно храню этот автограф Шукшина и две фотографии в роли Лопухина и одну — в перерыве между съемками, под тентом.

...Я вставал рано утром, почти на рассвете, пока в салоне была свободна машинка, и, стараясь мягче стучать, чтобы не разбудить спящих за тонкой стеной, печатал интервью. За завтраком показывал отпечатанное Шукшину, Он прочитал, сказал:

— Давай уберем насчет литературы, обращенной в кино, и собственного опыта. Неудобно. Еще подумают, что сравниваю себя с Шолоховым.

— Ну, а как насчет того, что актерский труд для тебя отдых? Не обидятся актеры? Он задумался.

— Пожалуй, ты прав. Не уезжаешь? На съемках будешь? Я возьму и подумаю.

Весь день шпарил противный мелкий дождь. Шукшин в солдатской телогрейке грелся у костра, пил горячий кофе из термоса, ловко ломал сухие ветки, подкладывал в костер и время от времени писал на листке. Потом протянул его мне:

— Посмотри, сойдет?

На кусочке фирменной бумаги студии «Мосфильм» поперек граф «артист», «роль» и так далее он четко написал:

«Профессия (имеется в виду, что привело в фильм). Интерес, тоже, впрочем, профессиональный, к большой постановочной картине, к процессу производства ее: мне впереди предстоит нечто подобное, есть смысл пройти этот путь сперва в качестве актера. Кроме того, накопилось много литературных заделов; актерский труд, сколь он ни сложен, все же позволяет совместить его с писательством. Это все очень важно, если не считать, что самое важное — постараться хорошо сделать свое дело: роль Лопухина необычайно сложная и интересная. И еще одно соображение: Дон, степь — места, которые мне в ближайшем будущем предстоит освоить: все же я надеюсь, что буду снимать фильм о Разине, и прожить лето на Дону — это хорошо и нужно».

И подпись размашисто: В. Шукшин.

Я бережно храню этот автограф Шукшина и две фотографии в роли Лопухина и одну — в перерыве между съемками, под тентом.

...Я вставал рано утром, почти на рассвете, пока в салоне была свободна машинка, и, стараясь мягче стучать, чтобы не разбудить спящих за тонкой стеной, печатал интервью. За завтраком показывал отпечатанное Шукшину, Он прочитал, сказал:

— Давай уберем насчет литературы, обращенной в кино, и собственного опыта. Неудобно. Еще подумают, что сравниваю себя с Шолоховым.

— Ну, а как насчет того, что актерский труд для тебя отдых? Не обидятся актеры? Он задумался.

— Пожалуй, ты прав. Не уезжаешь? На съемках будешь? Я возьму и подумаю.

Весь день шпарил противный мелкий дождь. Шукшин в солдатской телогрейке грелся у костра, пил горячий кофе из термоса, ловко ломал сухие ветки, подкладывал в костер и время от времени писал на листке. Потом протянул его мне:

— Посмотри, сойдет?

На кусочке фирменной бумаги студии «Мосфильм» поперек граф «артист», «роль» и так далее он четко написал:

«Профессия (имеется в виду, что привело в фильм). Интерес, тоже, впрочем, профессиональный, к большой постановочной картине, к процессу производства ее: мне впереди предстоит нечто подобное, есть смысл пройти этот путь сперва в качестве актера. Кроме того, накопилось много литературных заделов; актерский труд, сколь он ни сложен, все же позволяет совместить его с писательством. Это все очень важно, если не считать, что самое важное — постараться хорошо сделать свое дело: роль Лопухина необычайно сложная и интересная. И еще одно соображение: Дон, степь — места, которые мне в ближайшем будущем предстоит освоить: все же я надеюсь, что буду снимать фильм о Разине, и прожить лето на Дону — это хорошо и нужно».

И подпись размашисто: В. Шукшин.

Я бережно храню этот автограф Шукшина и две фотографии в роли Лопухина и одну — в перерыве между съемками, под тентом.

...Я вставал рано утром, почти на рассвете, пока в салоне была свободна машинка, и, стараясь мягче стучать, чтобы не разбудить спящих за тонкой стеной, печатал интервью. За завтраком показывал отпечатанное Шукшину, Он прочитал, сказал:

— Давай уберем насчет литературы, обращенной в кино, и собственного опыта. Неудобно. Еще подумают, что сравниваю себя с Шолоховым.

— Ну, а как насчет того, что актерский труд для тебя отдых? Не обидятся актеры? Он задумался.

— Пожалуй, ты прав. Не уезжаешь? На съемках будешь? Я возьму и подумаю.

Весь день шпарил противный мелкий дождь. Шукшин в солдатской телогрейке грелся у костра, пил горячий кофе из термоса, ловко ломал сухие ветки, подкладывал в костер и время от времени писал на листке. Потом протянул его мне:

— Посмотри, сойдет?

На кусочке фирменной бумаги студии «Мосфильм» поперек граф «артист», «роль» и так далее он четко написал:

«Профессия (имеется в виду, что привело в фильм). Интерес, тоже, впрочем, профессиональный, к большой постановочной картине, к процессу производства ее: мне впереди предстоит нечто подобное, есть смысл пройти этот путь сперва в качестве актера. Кроме того, накопилось много литературных заделов; актерский труд, сколь он ни сложен, все же позволяет совместить его с писательством. Это все очень важно, если не считать, что самое важное — постараться хорошо сделать свое дело: роль Лопухина необычайно сложная и интересная. И еще одно соображение: Дон, степь — места, которые мне в ближайшем будущем предстоит освоить: все же я надеюсь, что буду снимать фильм о Разине, и прожить лето на Дону — это хорошо и нужно».

И подпись размашисто: В. Шукшин.

Я бережно храню этот автограф Шукшина и две фотографии в роли Лопухина и одну — в перерыве между съемками, под тентом.

...Я вставал рано утром, почти на рассвете, пока в салоне была свободна машинка, и, стараясь мягче стучать, чтобы не разбудить спящих за тонкой стеной, печатал интервью. За завтраком показывал отпечатанное Шукшину, Он прочитал, сказал:

— Давай уберем насчет литературы, обращенной в кино, и собственного опыта. Неудобно. Еще подумают, что сравниваю себя с Шолоховым.

— Ну, а как насчет того, что актерский труд для тебя отдых? Не обидятся актеры? Он задумался.

— Пожалуй, ты прав. Не уезжаешь? На съемках будешь? Я возьму и подумаю.

Весь день шпарил противный мелкий дождь. Шукшин в солдатской телогрейке грелся у костра, пил горячий кофе из термоса, ловко ломал сухие ветки, подкладывал в костер и время от времени писал на листке. Потом протянул его мне:

— Посмотри, сойдет?

На кусочке фирменной бумаги студии «Мосфильм» поперек граф «артист», «роль» и так далее он четко написал:

«Профессия (имеется в виду, что привело в фильм). Интерес, тоже, впрочем, профессиональный, к большой постановочной картине, к процессу производства ее: мне впереди предстоит нечто подобное, есть смысл пройти этот путь сперва в качестве актера. Кроме того, накопилось много литературных заделов; актерский труд, сколь он ни сложен, все же позволяет совместить его с писательством. Это все очень важно, если не считать, что самое важное — постараться хорошо сделать свое дело: роль Лопухина необычайно сложная и интересная. И еще одно соображение: Дон, степь — места, которые мне в ближайшем будущем предстоит освоить: все же я надеюсь, что буду снимать фильм о Разине, и прожить лето на Дону — это хорошо и нужно».

И подпись размашисто: В. Шукшин.

Я бережно храню этот автограф Шукшина и две фотографии в роли Лопухина и одну — в перерыве между съемками, под тентом.